

Творческий портрет

СКОРО ВЫИДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ В ЭТОМ ГОДУ НОМЕР ЖУРНАЛА «ТЕАТР». БОЛЬШОЕ МЕСТО В НЕМ ЗАНИМАЮТ РАБОТЫ МОЛОДЫХ КРИТИКОВ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ С НЕБОЛЬШИМИ СОКРАЩЕНИЯМИ ОДИН ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЭТОГО НОМЕРА — ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АКТРИСЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО Е. НИКИЩИХИНОЙ. НАПИСАННЫЙ МОЛОДЫМ КРИТИКОМ Е. ОЛЬХОВИЧ.

МОЛОДОСТЬ ТАЛАНТА

ЕЕ ГЕРОИНЯМ обычно не больше двадцати, и они ей хорошо знакомы. Актриса подробно, разнообразно, пожалуй, с каким-то пристрастием обнаруживает их «девчоночность». Хрупкость и беззащитность ануйлевской Антигоны, ощутившей себя перед смертью одинокой и усталой девочкой. Трогательное простодушие, совестливость, органическое неприятие грубости и фальши, от которых буквально корчит переводчицу Катю из «Энциклопедистов» Л. Зорина. Неудержимое и оттого особенно забавное желание казаться взрослой у маленькой служанки Мэри Уоррен («Сейлемские ведьмы» А. Миллера).

Но при этом наивность, ребяческая чистота никогда не оборачиваются у Никищихиной инфантильностью. В основе каждого ее характера живые, удивительно метко схваченные человеческие черты. Без ясно ощутимой точной характеристики актриса образа не «видит», будь то интеллектуальная драма Ануйля или зоринская комедия. И оттого высокая убежденность Антигоны замешана на доброй порции врожденного упрямства, которым попрекают ее родственники. А первым проявлением самосознания Мэри Уоррен становится обыкновенное девчачье любопытство, словно в спину толкающее девушку в Сейлем. Актриса любит найти яркие, выразительные краски, живописный внешний портрет, детально оправданную мизансцену. Она умеет привлечь внимание зала броским штрихом, изобретательной деталью, умеет тактично посмеяться над своим созданием.

До того как Никищихина сыграла Антигону в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, ей прочили исключительно комедийно-характерное амплуа. Между тем и в ролях этого плана ощущалось, что актрисе близки натуры активные, темпераментные, стремящиеся к самостоятельности и борьбе.

Уже в «Сейлемских ведьмах», в первой большой роли, Никищихина обнаружила тяготение к контрастности, резким перепадам настроений, взрывчатости эмоций — те самые черты, что отличают ее исполнение и делают его особенно интересным. В каждом созданном ею персонаже — эпизодическое это лицо или главное — угадываются богатый внутренний мир, сложная биография. Почему-то всегда кажется, будто у них — и у дочери царя Эдипа, и у подсобницы Соньки — было трудное детство. Актриса удивительно органично сплавляет раннюю житейскую умудренность с отроческой застенчивостью, наигранную развязность — с детской доверчивостью, полумальчишечью душевную порывистость — с женской преданностью.

Однако юность всегда остается юностью, с жадной радостью, тягой к красоте, поисками смысла жизни. Ее Антигона естественно, интуитивно влюблена во все прекрасное, олицетворяет его, сливается с ним и сама становится прекрасной. Рассказывая Кормилице о своем ночном путешествии или Гемону об их будущем ребенке, маленькая худышка, угловатая, с резкими и простоватыми манерами становится удивительно поэтичной, ее хриловатый от волнения голос глубоко и нежно вибрирует... И небольшие монологи-исповеди Антигоны воспринимаются как периоды лирической прозы.

Одухотворяющее начало выступает и в комедийно-характерных ролях Никищихиной, проявляясь иной раз вовсе неожиданно. Кудлатая Сонька, рыжая Бриджитт Бардо из спектакля «Анна», тоже неудержимо тянется к красоте, к настоящему чувству. Тонко выведенные карандашом черные брови, пунцовые губы колечком, которые она не забывает подкрашивать даже во время тяжелой работы, яркие серьги. Недаром у нее под подушкой всегда лежат духи (Сонька вообще запазлива и прижимиста, за что не любят ее девчата). «Роскошный» модный наряд — прозрачная капроновая кофточка, под которой черное белье, лихой заемный лексикон: «Видала я тебя в гробу в белых тапочках!» и т. д., танцы «стилем» — это и есть для Соньки нормальная «шикарная жизнь».

Через пару лет — по времени действия — у секретарши Люси («Хочу быть честным») будут уже «котиrowаться» ажурные чулки, другая прическа, помада другого оттенка — в бытовой достоверности актриса точна и приметлива. Но не в атрибутах «красивости» суть. В неосознанном стремлении своих девчонок к идеалу Никищихина ищет отправную точку, чтобы показать становление личности. Этот процесс интересует ее больше всего. Никищихина акцентирует наше внимание не на смешных, а на добрых сторонах характера. И тогда разбитная Сонька оказывается вдруг вовсе не испорченной, а очень молодой, бесприютной девочкой. И однажды в ней проснется гордая, любящая, самоотверженная женщина, готовая отпустить любимого, если ему так будет лучше.

Е. Никищихиной предстоит еще многое сыграть, добавить новые штрихи к портрету своих современниц. Желаем же ей ролей хороших и разных!

Е. ОЛЬХОВИЧ.